

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Селихова Ольга Геннадьевна

кандидат юридических наук, преподаватель факультета дистанционного обучения РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: og_selihova@mail.ru

В статье приводится понятие права на свободу и личную неприкосновенность человека, раскрываются краткое содержание и общий генезис международно-правовых стандартов в области его охраны. На основе анализа международных нормативных актов дана классификация указанных стандартов, раскрыты общие характеристики отдельных международно-правовых стандартов с учетом международной судебной практики. Автором показано, что выработка и соблюдение единых стандартов обеспечения указанного права на международном уровне призваны обеспечить его соблюдение на внутригосударственном уровне, сформировать единые подходы в судебной практике, установить международные обязательства государств.

Ключевые слова: право на свободу и личную неприкосновенность, международно-правовой стандарт, правовой статус индивида.

INTERNATIONAL STANDARDS GUARANTEEING THE RIGHT TO FREEDOM AND PERSONAL INVIOABILITY

Selikhova, Olga G.

PhD, Lecturer of the Faculty of Distance Learning of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: og_selihova@mail.ru

The article defines the notion of the right to freedom and personal inviolability of man, gives the brief idea and general origin of international and legal standards in the field of its guarantees. By analyzing international normative acts the author classifies the mentioned-above standards, discloses general characteristics of certain international-legal standards with due regard to international court practice. It was shown that the development and observance of unique standards guaranteeing the said right on the international level must ensure its observance on the in-country level, shape common approaches in court practice, fix international responsibility of states.

Keywords: right to freedom and personal inviolability, international-legal standards, legal status of the individual.

Право на свободу и личную неприкосновенность как совокупность юридических возможностей индивида, связанных с реализацией его воли и защитой от неправомерного физического и психологического посягательства со стороны окружающих и государства, представляется актуальной проблемой международного права в части выработки единых правовых стандартов. Этот процесс непрерывен и связан с формированием единых норм и подходов к разрешению правовых ситуаций, затрагивающих интересы всего человечества.

В понимании сути международно-правовых стандартов в области защиты прав человека в науке выделяются три взаимодополняемые точки зрения. Ими считают международно-правовые обязательства, международно-правовые нормы и обязательный нормативный минимум. В качестве подходов используются определение перечня основных прав и свобод; отражение содержания прав в нормативных положениях; установление международных обязательств государств и международных гарантий; нормативное закрепление допустимых ограничений и запретов. Общим знаменателем заявленных подходов должны стать международно-правовые эталоны прав и свобод, к которым следует стремиться всем национальным правовым системам.

Обязательными элементами международного правового стандарта выступают его форма и содержание. Под формой понимается процессуальное оформление свободы, в том числе выраженное в унификации правовых процедур. Содержание характеризует сами правомочия индивидов и юридические обязанности других участников правоотношений. Адаптация этих элементов стандартов в законодательстве государств со временем приведет к схожести норм в части их гипотез, диспозиций, санкций и правовых процедур.

Человеческая мысль об условиях и границах реализации права на свободу и личную неприкосновенность развивалась

от его полной внутригосударственной регуляции к повсеместному приоритету международного права. Эта гуманитарная «интервенция» основывалась на том, что любое государство имеет международные обязательства, гарантирующие основные права и свободы, где бы они ни нарушались.

Первыми актами Западной Европы в области обеспечения прав человека стали Великая хартия вольностей (Magna Charta) 1215 г. и Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточения за морями 1679 г. Они допускали ограничение свободы только по судебному решению, установили единый порядок равного и бесплатного правосудия, регламентировали процедуру ограничения свободы, ввели правовые гарантии неприкосновенности и обжалования решений [12. – С. 277–278]. Эти механизмы поныне присутствуют в международном праве.

В XX в. упомянутые институты включили в современную архитектуру международных правовых предписаний и процедур в виде эталонов для национальных законодательств многих стран.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. закрепила право человека на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность; установила прямой запрет рабства и любого подневольного состояния, пыток, жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство людей действий, произвольных арестов, задержаний или изгнаний [13. – С. 13]. Ее идеи получили развитие в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. [2. – Ст. 29], запретившем также принудительные медицинские и научные опыты, несанкционированное содержание под стражей. Ими фактически заложены материальные и процессуальные основы современного законодательства многих стран, где они стали национально-правовыми эталонами.

Материальные международно-правовые стандарты признают недопустимым всякое неправомерное поведение, ограни-

чивающее свободу человека, и подразделяются на индивидуальные и групповые.

Индивидуальные стандарты характеризуют правовой статус конкретного индивида либо малых социальных групп [8]. К ним отнесены недопустимость подневольного состояния (похищение людей, рабство и т. д.); унижающие достоинство обращения и наказания (пытки, принудительные медицинские и научные опыты над человеком).

К групповым стандартам отнесены эталоны, адресованные по преимуществу средним и большим группам (народам, расам, этносам, половозрастным, профессиональным и иным группам). В них присутствуют недопустимость апартеида, геноцида, изгнания и депортации людей по признаку расы, национальности, принадлежности к иной социальной группе и т. д., жестокого обращения с военнопленными и гражданским населением в период военных действий.

Вот краткая характеристика этих стандартов.

Подневольное состояние – невозможность свободного волеизъявления и определения своего поведения человеком, в том числе связанного с выбором места пребывания и совершения необходимых ему действий (ст. 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). В тексте конвенции данный стандарт не отграничен от таких похожих явлений, как похищение людей и рабство. Видимо, тут кроется техническое несовершенство документа, так как им также присущи приведенные выше признаки подневольного состояния. Последние нужно считать крайними формами подневольного состояния.

Недопустимость рабства – недопустимость полной зависимости одного человека от другого, характеризующейся возможностью рабовладельца распоряжаться по своему усмотрению трудом, свободой и жизнью раба. Она также закреплена в статье 4 упомянутой конвенции. Специфика рабства заключена в связи между рабовла-

дельцем и рабом, где последний рассматривается в качестве вещи (собственности), в отношении которой правомочия хозяина не ограничены.

Современное рабство представлено торговлей детьми, детской проституцией и порнографией, эксплуатацией детского труда и использованием детей в вооруженных конфликтах, долговой кабалой, торговлей людьми и человеческими органами, незаконным наймом, тайной перевозкой и насильственной сексуальной эксплуатацией женщин. Самостоятельными эталонами они не являются, но сходны по своей сути, различаясь лишь степенью человеческой жестокости и насилия.

Запрет и суровое наказание могут стать основными средствами борьбы с такими явлениями. В частности, они прямо предусмотрены в Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г. и решении государств-участников московской Конференции по проблемам человеческого измерения (3 октября 1991 г.), обязавшихся бороться против насилия в отношении женщин [4. – С. 81].

К формам подневольного состояния относятся похищение человека и захват заложников. Они не только связаны с ограничением физической свободы удерживаемых лиц, но и часто сопровождаются причинением вреда их здоровью. В такие моменты человек, опасаясь последствий крайних форм насилия, вынужден самостоятельно ограничивать свою свободу.

Нормативных ограничений понятий «похищение людей» и «насильственные или недобровольные исчезновения» сегодня не выделяется, а по последствиям они схожи. Декларацией о защите всех лиц от насильственных исчезновений 1992 г. похищения людей отнесены к преступлениям против человечества, связанным с пытками и унижающими достоинство обращениями и наказаниями [15. – С. 10, 15].

Международной практике известны случаи особой формы подневольного состояния, выраженной в незаконном удерж-

живании людей в период межгосударственных конфликтов. В 1992 г. в совершении подобных действий Европейская комиссия по правам человека обвинила Турцию, захватившую на Северном Кипре еще в 1974 г. более 2 000 греков-киприотов, которые так и остались у турок под стражей [5. – С. 174].

Недопустимость унижающих достоинство индивида обращений и наказаний закреплена в статье 5 Всеобщей декларации прав человека. Такие действия могут выражаться в физическом и психологическом давлении на него. К ним можно отнести пытки, принудительные медицинские и научные опыты. Дефиниций данного стандарта нет, но можно выделить его базовый элемент, которым выступает человеческое достоинство как основанная на всеобщем социальном равенстве совокупность высоких моральных качеств, уважаемых человеком в себе и в окружающих. Учитывая, что в данном стандарте употребляются термины «обращение» и «наказание», обосновано указать, что любое общение между людьми, а также людьми и государством, основанное на насилии и жестокости, даже не противоречащее нормам внутригосударственного права, должно считаться недопустимым.

Решения Европейского суда помогают разграничить допустимые и нетерпимые виды наказания и обращения, формируя отдельные эталоны в международной правоприменительной практике. В частности, суд признавал таковыми действия полиции, связанные с пытками, оскорблениями и угрозами [5. – С. 166], высказал аналогичное отношение к смертной казни.

Пытки как любое физическое и психологическое насилие, сопровождающееся изощренно-жестоким истязанием тела человека и причинением ему невыносимых нравственных страданий, запрещены статьей 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Со времен Древнего Египта на протяжении столетий пытки рассматривались и как наказание, и как средство доказывания,

считались нормой и заимствовались национальными законодательствами вплоть до второй половины XVIII в.

Исчезновение пыток из санкций и правовых процедур благотворно повлияло на общественную нравственность и мораль, ограничив тягу общества к жестокости. Сегодня международное право свободно от такого инструментария, он признан бесчеловечным.

Основной принцип борьбы с пытками заложен в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. Он заключается в следующем: никакие исключительные обстоятельства не могут служить оправданием пыток [14. – С. 3].

В 1966 г. Международным пактом о гражданских и политических правах признана недопустимость принудительных медицинских и научных опытов над человеком без его согласия (ст. 7). В основе данного стандарта лежит согласие индивида как его внутреннее непротивление совершаемым с ним действиям, объективированное во вне. Человек осознает определенную угрозу своей жизни и здоровью, но признает и социальную ценность исследований, особенно в медицине, биогенетике, биоинженерии и т. д.

Другим базовым элементом этого стандарта является запрет насилия в привлечении людей к участию в таких опытах, к которому приравнивается пребывание человека в бессознательном, беспомощном состоянии, в том числе в период психического расстройства. Этот подход закреплен Конвенцией о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижения биологии и медицины 1996 г., которая требует получения согласия индивида или его представителя при любом медицинском вмешательстве; запрещает вмешательство в геном человека для его модификации, а также отдельные виды вспомогательных медицинских технологий (выбор пола будущего ребенка, получение эмбрионов человека в исследовательских це-

лях, изъятие органов или тканей у человека, не способного выразить свое согласие); допускает проведение медицинских опытов с участием людей только в отсутствие альтернативных методов исследования; позволяет изъятие органов и тканей у живого донора для лечения реципиента только в отсутствие другого природного органа или ткани, полученных от трупа.

Перечень приведенных индивидуальных международно-правовых стандартов не является исчерпывающим, дальнейшая гуманизация социальных отношений его расширит. Возможно, таковым станет неприкосновенность эмбриона и плода человека, ведь Европейский суд по правам человека уже установил защиту права будущего ребенка на жизнь и боролся с произволом абортов [5. – С. 211, 218].

Следует выделить и групповые международно-правовые стандарты.

Недопустимость апартеида – любых действий, вызванных расовой дискриминацией, которые проявляются в систематическом угнетении людей для установления и поддержания господства одной расовой группы над остальной частью населения страны (Конвенция о пресечении преступлений апартеида и наказании за него 1973 г.). Мотивы расовой дискриминации могут быть самыми разными, в том числе борьба за жизненное пространство, политическое господство, экономические интересы и даже расовая неполноценность [7. – С. 141, 148] (учения Д. Ханта и Г. Гаррета (США) об интеллектуальной неполноценности негров).

Недопустимость геноцида – истребление отдельных групп населения или народов по расовым, национальным или религиозным мотивам (Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 г.). Так, печатью геноцида отмечена колониальная политика Европейских держав в XVIII–XIX вв. Население Новой Англии, Индии, Юго-Западной Африки, Магриба и других регионов мира в полной мере испытало его воздействие. Примером являются повсеме-

стное уничтожение индейцев в США [1. – С. 33], их насильственное переселение на пустынные земли Оклахомы [3. – С. 43]. В XX в. немецкий фашизм уничтожил сотни тысяч цыган и несколько миллионов евреев [11. – С. 837].

К геноциду также относят создание для национальных, этнических, расовых или религиозных групп невыносимых жизненных условий, способствующих их полному или частичному физическому уничтожению, предотвращению в них деторождения, а также насильственную передачу детей в другую социальную группу.

Статьей 9 Всеобщей декларации прав человека запрещены изгнание и депортация как формы насильственного выдворения людей за пределы государства или местности, в которых они проживали. Они, как правило, сопряжены с ограничениями человеческой свободы, создают тяжелые условия для существования людей. В России изгнанию в 1992 г. подверглись ингуши [6. – С. 8–9]. За рубежом жертвами таких действий стали сербы, албанцы, массаи (Танзания), туту и хутси (Руанда) и др.

Депортация как форма изгнания также связана с насильственным переселением народов. В 1944 г. в СССР около 450 тыс. чеченцев и ингушей были отправлены для проживания в Казахстан и республики Средней Азии. Подобная участь постигла 13 народов Советского Союза [10. – С. 88].

Запрет жестокого обращения с военнопленными и гражданским населением во время войны закреплен конвенциями об обращении с военнопленными и защите гражданского населения во время войны (12 августа 1949 г.). Недопустимы посягательства на жизнь, физическую неприкосновенность и человеческое достоинство упомянутых субъектов (истязания, убийства, увечья, жестокое обращение, пытки, медицинские или научные опыты), взятие среди них заложников, осуждение и применение к ним наказания без судебного решения. Такие меры продиктованы событиями Второй мировой войны, в ходе которой комбатантов и гражданских лиц

уничтожали, морили голодом и непосильной работой, использовали при разминировании территорий [11. – С. 444, 476]. Правда, они не уберегли от гибели почти 2 млн жителей Вьетнама в период американо-вьетнамской войны 1964–1974 гг. и около 100 тыс. палестинских и ливанских граждан в 1982 г. в Ливане, убитых или раненых в результате израильского вторжения [3. – С. 48–51, 67].

Существует группа международно-правовых процессуальных стандартов, которые определяют порядок дозволенного ограничения полномочными органами права на свободу и личную неприкосновенность. Вот некоторые из них.

Недопустимость ареста и лишения свободы человека в случаях и порядке, не предусмотренных законом (ст. 9 Всеобщей декларации прав человека; ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах). Данный стандарт допускает арест, задержание и содержание под стражей людей только в установленных законом случаях, любое отступление от предписаний которого указывает на неправомерность действий уполномоченных лиц. При этом законный арест, задержание и содержание лиц под стражей, законное задержание несовершеннолетних лиц, законное задержание лиц, страдающих инфекционными заболеваниями, душевными расстройствами, алкоголизмом и наркоманией, а также занимающихся бродяжничеством, законный арест или задержание лиц, нарушающих иммиграционное законодательство, признаны правомерными.

Законность ареста и задержания обеспечивается судебным решением, а ограничение свободы и личной неприкосновенности возможно для предания лица суду по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, для пресечения совершения им правонарушений в дальнейшем или попыток скрыться от судебного преследования.

Правомерность задержания людей, страдающих инфекционными заболева-

ниями, душевными расстройствами, алкоголизмом и наркоманией, занимающихся бродяжничеством, определяется стремлением оказать им необходимую медицинскую помощь, предотвратить распространение опасных заболеваний и предупредить совершение этими лицами правонарушений.

Обоснованным поводом к аресту или задержанию лиц, нарушающих иммиграционное законодательство, принято считать попытки их незаконного въезда в страну, стремление избежать законной высылки или выдачи таковых.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод закрепляет особые положения в отношении военнослужащих. Она допускает применение к ним дисциплинарных взысканий, ограничивающих свободу и личную неприкосновенность, что обусловлено особыми требованиями воинской службы, предъявляемыми государством. Направление в дисциплинарные части и кратковременные аресты с различными режимами содержания признаны судебной практикой не противоречащими статье 5 данной конвенции, а значит, они не нарушают каких-либо прав индивида. Возможность судебного обжалования дисциплинарных взысканий также сохранена.

Лишение свободы и личной неприкосновенности допускается только на основании судебного решения (ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). Судебное решение как допустимая форма волеизъявления полномочного органа власти (суда), с одной стороны, представляется интеллектуально-волевым заключением, принимаемым в особом процессуальном порядке, а с другой – является внешним объективированием такого заключения в виде письменного вердикта. Такой подход гарантирует единообразие принятия властных решений, позволяет реализовать принцип равенства всех перед законом.

Возможность судебного обжалования ограничений свободы и личной неприкос-

новенности человека предусмотрена Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Любое лицо вправе обратиться в международные органы по защите прав человека в Страсбурге [16. – С. 15–21]. Данный стандарт позволяет избежать административно-властного произвола и судебных ошибок, способствует оперативному принятию решений о восстановлении нарушенных прав индивидов.

Возможность отступления от норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и ограничение государством индивидуальных свобод допускаются в чрезвычайных ситуациях, носящих объективный характер (ст. 15 конвенции). Так, во время войны или чрезвычайного положения, угрожающего жизни и благополучию нации, государство вправе отступать от международных обязательств и принимать меры, ограничивающие свободу и личную неприкосновенность людей (например, в ходе борьбы с

терроризмом, для предупреждения и ликвидации очагов особо опасных инфекционных заболеваний и т. д.). Ужесточение мер безопасности при личном досмотре или принудительное медицинское обследование и помещение на карантин в медицинские учреждения лиц, прибывающих из эпидемически неблагополучных регионов мира, следует воспринимать как краткосрочную меру, действие которой ограничено временем существования причины, побудившей государство к ее использованию.

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что круг перечисленных эталонов социального общения не является исчерпывающим. В нем заложена потенциальная возможность саморазвития, неразрывно связанная с процессом совершенствования культуры человеческих отношений, появлением в обществе новых ценностей, направленных на гуманизацию социальных представлений об образе достойного существования человека.

Список литературы

1. *Аптекер Г.* История американского народа. – Т. 1. Колониальная эра. – М., 1961.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17.
3. Геноцид : сборник статей / под ред. Л. И. Двинина. – М., 1985.
4. Документы по человеческому измерению ОБСЕ : сборник / под ред. Д. Макголдрика. – Варшава : ОБСЕ. Бюро по демократическим институтам и правам человека, 1995.
5. Европейский суд по правам человека : избранные решения. – Т. 1. – М., 2000.
6. *Здравомыслов А. Г.* Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. – М., 1998.
7. *Золотарева И. М., Нитобург Э. Л.* Расы и расизм. История и современность. – М., 1991.
8. *Кокотов А. Н.* О правосубъектности социальных общностей // Вестник Гуманитарного университета. – 1996. – № 1. – С. 83–90.
9. *Кучин М. В.* Прецедентное право Европейского суда по правам человека: к вопросу о юридической природе // Совет Европы и Россия. – 2000. – № 2.
10. *Лебедев М. А.* Процедуры приема беженцев и лиц в поисках убежища: потребность в стандартах // Московский журнал международного права. – 1997. – № 4.
11. Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 2 т. – М., 1952. – Т. 1.
12. *Омельченко О. А.* Всеобщая история государства и права. – Т. 1. – М., 1999.
13. Права человека : сборник международных документов. – М., 1998.
14. Права человека. Документы борьбы против пыток. Изложение фактов № 4. – Женева : ООН, 1990.

15. Права человека. Насильственные или недобровольные исчезновения. Изложение фактов № 6. – Женева : ООН, 1997.

16. Совет Европы: основные направления деятельности и результаты : информационный бюллетень. – Страсбург, 1998.

References

1. Apteker G. Istoriya amerikanskogo naroda [History of American People]. Vol. 1. Kolonial'naya era [Colonial Age]. Moscow, 1961. (In Russ.).

2. Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1976, No. 17. (In Russ.).

3. Genotsid, sbornik statey [Genocide, collection of articles], edited by L. I. Dvinin. Moscow, 1985. (In Russ.).

4. Dokumenty po chelovecheskomu izmereniyu OBSE, sbornik [Documents on Human Aspects by OECD, collection of works], edited by D. Makgoldrik. Varshava, OECD. The Board on Democratic Institutions and Human Rights, 1995. (In Russ.).

5. Evropeyskiy sud po pravam cheloveka, izbrannyye resheniya [European Human Rights Court, selected rulings]. Vol. 1. Moscow, 2000. (In Russ.).

6. Zdravomyslov A. G. Osetino-ingushskiy konflikt: perspektivy vykhoda iz tupikovoy situatsii [Ossetin-Ingush Conflict: Prospects of Overcoming the Crisis]. Moscow, 1998. (In Russ.).

7. Zolotareva I. M., Nitoburg E. L. Rasy i rasizm. Istoriya i sovremennost' [Races and Racism. History and Today]. Moscow, 1991. (In Russ.).

8. Kokotov A. N. O pravosub#ektnosti sotcial'nykh obshchnostey [Concerning Right-Subjectivity of Social Communities]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Arts University], 1996, No. 1, pp. 83–90. (In Russ.).

9. Kuchin M. V. Pretsedentnoe pravo Evropeyskogo suda po pravam cheloveka: k voprosu o yuridicheskoy prirode [The Law of Precedent in the European Court on Human Rights: Concerning the Issue of Juridical Nature]. *Sovet Evropy i Rossiya* [The Council of Europe and Russia], 2000, No. 2. (In Russ.).

10. Lebedev M. A. Protcedury priema bezhentsev i litc v poiskakh ubezhhishcha: potrebnost' v standartakh [Procedures of Receiving Refugees and Persons Seeking Asylum: the Need for Standards]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 1997, No. 4. (In Russ.).

11. Nyurnbergskiy protsess, sbornik materialov [The Nurnberg Trial, collection of Works], in 2 Vol. Moscow, 1952. Vol. 1. (In Russ.).

12. Omel'chenko O. A. Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava [General History of State and Law]. Vol. 1. Moscow, 1999. (In Russ.).

13. Prava cheloveka, sbornik mezhdunarodnykh dokumentov [Human Rights, collection of international documents]. Moscow, 1998. (In Russ.).

14. Prava cheloveka. Dokumenty bor'by protiv pytok. Izlozhenie faktov № 4 [Human Rights: Documents on Combating against Tortures. Providing Facts No. 4.]. Zheneva, OON, 1990. (In Russ.).

15. Prava cheloveka. Nasil'stvennyye ili nedobrovol'nye ischeznoveniya. Izlozhenie faktov № 6 [Human Rights: Forced or Non-Voluntary Disappearance. Providing Facts No. 6.]. Zheneva, OON, 1997. (In Russ.).

16. Sovet Evropy: osnovnyye napravleniya deyatel'nosti i rezul'taty, informatcionnyy byulleten' [The Council of Europe: Principle Directions of Work and Results: Information Bulletin]. Strasburg, 1998. (In Russ.).